

S $\frac{77}{420}$

2007055470

23432

S 77 / 420

M.

р. 324408

О РАЗУМѢ, КАКЪ ВЫСШЕЙ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ.

Понятіе о разумѣ и его идеяхъ.

Дѣятельность нашихъ познавательныхъ способностей не оканчивается отправленіями разсудка и кругъ нашихъ познаній не ограничивается предметами опыта. Есть въ глубинѣ нашего духа такія убѣжденія и требованія, которыя не пріобрѣтаются усиліями разсудочнаго мышленія и которыхъ предметы относятся къ міру сверхчувственному, духовному. Таково убѣжденіе въ бытіи Божіемъ, безсмертіи души, таковы нравственныя требованія и проч. Способность созерцать и уразумѣвать предметы этихъ высшихъ убѣжденій и требованій нашего духа есть разумъ, а самыя созерцанія разума обыкновенно называются идеями.

Дѣйствительность въ насъ разума и независимость идей отъ низшихъ познавательныхъ способностей.

Напрасно строгіе эмпирики отвергаютъ дѣйствительность въ насъ разума, какъ высшей познаватель-

ной способности, и покушаются произвести его идеи посредственно или непосредственно изъ опыта.

Сердечное убѣжденіе въ высочайшихъ, существенно необходимыхъ человѣку истинахъ, есть всеобщій, неотрицаемый фактъ. Надобно быть безбожнымъ и безсовѣстнымъ, чтобы отказываться отъ убѣжденій въ бытіи Бога и безсмертіи души, отъ внушеній совѣсти и т. п.; но и въ людяхъ подобнаго рода, противъ собственной ихъ воли, рано или поздно пробуждаются эти высшія требованія сердца, а въ нихъ-то первоначально и выражается содержаніе идей нашего разума. Такимъ образомъ, покушеніе отвергать дѣйствительность идей возможно развѣ только при крайнемъ развращеніи сердца, или при невѣдѣніи о томъ, что должно разумѣть подъ ихъ именемъ.

Съ другой стороны, происхожденія въ насъ идей не лзя объяснить отпращиваніями низшихъ познавательныхъ способностей. Источникомъ идей не можетъ быть ни *внѣшнее чувство*, потому что предметы ихъ принадлежатъ міру духовному, ни *чувство внутреннее*, потому что оно возвѣщаетъ намъ только о явленіяхъ и состояніяхъ нашей души, о нашихъ убѣжденіяхъ и требованіяхъ сердца, но не указываетъ на ихъ предметы, положенные внѣ круга нашей личности. Содержаніе идей не можетъ быть вымышлено и *фантазією*. Самая творческая фантазія не творитъ новаго содержанія: какимъ же образомъ существо конечное и живущее въ мірѣ ограниченномъ и преходящемъ могло бы первоначально образовать идею безконечнаго, всесущественнаго и вѣчнаго? Изъ представленій о конечномъ и несовершенномъ никакая фантазія не создастъ идеи о безконечномъ и

всесовершенномъ, потому что, прилагая конечное и несовершенное къ конечному же и несовершенному, все будемъ имѣть конечное и несовершенное, какъ бы мы далеко ни простирали рядъ этихъ прибавлений; и если бы фантазія дѣйствительно покушалась на такое поступаніе отъ конечнаго и несовершеннаго къ безконечному и всесовершенному, то уже по этому самому должно бы предположить въ нашемъ духѣ хотя темное ощущеніе этого безконечнаго и совершеннаго. Къ тому жъ, чистые вымыслы фантазіи слишкомъ частны и сопровождаются сознаниемъ ихъ подлежательности и произвольности, между тѣмъ какъ идеи о совершеннѣйшемъ и безконечномъ бытіи всеобщы и необходимы, и сопровождаются самымъ живымъ убѣжденіемъ въ ихъ подлежательной истинности.

Начало идей не лзя отнести и къ *разсудку*. Два главные приѣма употребляетъ онъ при образованіи своихъ понятій: анализъ и синтезъ; но ни тотъ, ни другой не творитъ своего предмета, а только разлагаетъ или сличаетъ примѣты уже данныхъ представленій, потому что разсудку вовсе несвойственно знаніе непосредственное: слѣдовательно, чтобы онъ могъ возвыситься до понятій о предметахъ сверхчувственныхъ, надобно, чтобы и идеи уже были даны ему оттуда. Правда, что разсудокъ, какъ сила сужденія, можетъ свободно двигаться въ своихъ понятіяхъ, переходя отъ частей къ цѣлому, отъ дѣйствій къ ихъ причинѣ, и на оборотъ, и такимъ образомъ дѣлать соображенія и умозаключенія и посредствомъ ихъ доходить до новыхъ выводовъ; но и эта дѣятельность его ограничивается опредѣленнымъ кру-

гомъ понятій: разсудокъ можетъ восходить отъ конечныхъ и преходящихъ частей къ цѣлому, тоже конечному и преходящему, отъ дѣйствій условныхъ къ причинамъ условнымъ же, тогда какъ предметомъ идей есть безусловное. Между условнымъ и безусловнымъ, преходящимъ и вѣчнымъ, ограниченнымъ и безпредѣльнымъ положена въ нашемъ разумѣи такая бездна, для перехода чрезъ которую недостаточны самыя тонкія сближенія понятій и самое искусное спѣяленіе умозаключеній, потому что въ выводѣ и заключеніи къ безусловному всегда будетъ больше, чѣмъ сколько содержится въ посылакахъ объ условномъ. Совершенно поэтому справедливы требованія тѣхъ, которые способность уразумѣвать предметы сверхчувственные признаютъ особенною, высшею способностію познаванія.

Способъ происхожденія идей.

Способъ происхожденія идей въ нашемъ разумѣ объяснить не легко. Отрѣшая идеи отъ обыкновеннаго опыта, мы не можемъ признать ихъ и врожденными намъ. Вообще у насъ нѣтъ готоваго знанія о мірѣ чувственномъ, а есть только способность познавать его; не должно быть готовыхъ понятій о мірѣ сверхчувственномъ, и разумъ долженъ имѣть только способность созерцать его предметы, какъ внѣшнее чувство есть способность наблюдать, при извѣстныхъ условіяхъ, предметы вещественные.

Идеи разума даютъ знаніе, которое не посредствуется понятіями, не выводится изъ началъ и не нуждается въ доводахъ, какъ знаніе разсудка; разумъ

прямо и непосредственно убѣжденъ въ высшихъ истинахъ: слѣдовательно долженъ и созерцать свои предметы непосредственно. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, какъ существо духовно-чувственное, поставленъ въ міръ вещественномъ и непосредственно наблюдаетъ его явленія; а какъ чувственно-духовное существо, онъ долженъ состоять въ связи съ міромъ духовнымъ и также созерцать его непосредственно. Возможность и даже дѣйствительность непосредственнаго соприкосновенія души съ міромъ сверхчувственнымъ, подобнаго ея соприкосновенію съ міромъ вещественнымъ, открывается въ связи съ индивидуумами своего рода, съ жизнью Природы и жизнью Божественною, которою держится всякое бытіе конечное. Уже и во снѣ душа, кажется, изъ этого самаго прикосновенія съ общою жизнью почерпаетъ предзнаменательныя сновидѣнія; а въ болѣзненныхъ состояніяхъ тѣла отсюда же можетъ быть происходить просвѣтлѣніе ясновидящихъ и проч.; отсюда же въ бодрственномъ и нормальномъ состояніи должны проистекать и идеи разума, такъ что разумъ можно назвать *духовнымъ окомъ*, а его созерцанія, если угодно, высшаго, особеннаго рода опытомъ, — *опытомъ духовнымъ*. Впрочемъ, какъ бы ни объяснялъ кто-либо происхожденіе идей, но дѣйствительность ихъ во всякомъ случаѣ неопровержима.

Главные идеи разума.

Въ созерцаніяхъ разума не трудно примѣтить нѣсколько особыхъ направленій. Дѣятельность нашей души вообще раскрывается тремя сторонами: стороною способностей познающихъ, чувствующихъ и же-

лающихъ; но каждая изъ этихъ сторонъ, не стѣсняясь кругомъ явленій опытныхъ, обращается къ міру сверхчувственному и слѣдовательно примыкаетъ къ разуму. Отсюда три главные идеи нашего разума: *идея истиннаго*, или созерцаніе того, что въ мірѣ сверхчувственномъ дѣйствительно *есть* доступное нашему разумѣнію и положенное въ основѣ міра явленій; *идея добраго*, какъ созерцаніе того, что въ мірѣ явленій по его отношенію къ міру высшему, *должно быть*; наконецъ, *идея прекраснаго*, или созерцаніе того, что въ мірѣ явленій, при его отношеніи къ высшему порядку вещей, *можетъ быть*. Идея истины вѣнчаетъ собою дѣятельность познающаго духа; идея добра завершаетъ наши желанія; идея красоты составляетъ цѣль нашихъ чувствованій. По этимъ тремъ идеямъ разума и въ немъ самомъ различаютъ три стороны: разумъ *теоретическій*, *практическій* и *эстетическій*.

Первоначальная неясность идей и процессъ ихъ развитія.

Идеи разума сами по себѣ далеко не имѣютъ той ясности и опредѣленности, которыя свойственны наблюденіямъ чувственнымъ. Предметы внѣшніе мы наблюдаемъ раздѣльно; явленія внутреннія представляются намъ слитными; но предметы сверхчувственного міра созерцаются еще неопредѣленнѣе и смѣшеннѣе, какъ въ тускломъ зеркалѣ, гадательно. Иначе и быть не можетъ, потому что чувственная сторона человѣческой природы гораздо болѣе развита, чѣмъ духовная; притомъ, къ чувственному міру душа обращена своею, такъ сказать, развитою стороною, а къ міру сверхчувственному примыкаетъ своимъ осно-

ваніемъ и вершиною, гдѣ воля и сознаніе еще или опять сопроникнуты взаимно и потому не могутъ дѣйствовать свободно и отчетливо.

Впрочемъ идеи, не смотря на эту первоначальную неясность и неопредѣленность ихъ, могутъ и должны мало по малу уясняться при развитіи и участіи прочихъ познавательныхъ способностей, которыми онѣ воспринимаются. Онѣ воспринимаются: а) сердцемъ, силою чувствованій, б) фантазіею, в) разумомъ, и г) переходятъ во внѣшнюю жизнь человечества и сосредоточиваются во внутреннѣйшемъ святищѣ духа. Въ движеніи идей по этимъ степенямъ состоитъ процессъ ихъ развитія.

а) *Идеи разума воспринятыя сердцемъ.*

Идеи разума прежде всего воспринимаются сердцемъ и превращаются въ немъ въ чувствованія: въ *чувство истиннаго, добраго и прекраснаго*. Это сердечное воспріятіе идей есть то же, что обыкновенное воспріятіе относительно чувственныхъ наблюдений. Только воспринятыя сердцемъ идеи становятся собственностію духа и сопровождаются самою живою, хотя еще и темною *вѣрою* въ дѣйствительность предметовъ сверхчувственного міра и самымъ живымъ, хотя и безотчетнымъ убѣжденіемъ въ истинности идей. И здѣсь-то *вѣра* и высшее знаніе совпадаютъ. Изъ идей разума рождается *вѣра*, потому что онѣ суть созерцаніе высшаго міра, какъ факта; но онѣ же даютъ и знаніе, потому что это созерцаніе происходитъ изъ разума. Знаніе имѣетъ здѣсь высочайшую достовѣрность, такъ какъ разумъ не умозаключаетъ, а только

созерцаетъ, и вѣра имѣетъ истинное значеніе, отъ того что не есть безосновное признаніе чего-либо за истину, а есть самое же знаніе.

Сердечное воспріятіе идей можетъ имѣть различныя степени *силы, ясности и чистоты*.

Не всѣ люди ощущаютъ движеніе идей въ равнозначительной степени. Только геніальные Поэты и Художники съ особенною *силою* дознаютъ въ себѣ движеніе идеи *прекраснаго*, и то въ немногія счастливыя минуты вдохновенія; идея *добра* только въ душѣ людей добродѣтельныхъ и великихъ Законодателей проявляется съ особенною энергіею; идея *истины* ощущается съ особенною живостію геніальными мыслителями, Философами и даже вообще людьми безпредубѣжденными.

Съ большею или меньшею *ясностію* отражаются идеи въ сердцѣ людей по различію не только ихъ умственныхъ дарованій, но и нравственнаго состоянія. Сердце, поработенное чувственности и низкимъ страстямъ, слишкомъ нечисто для того, чтобы служить живымъ зеркаломъ идей: только *чистые сердца* способны принимать ихъ неискаженными и убѣждаться въ нихъ непоколебимо.

Чувство истины, добра и красоты такъ глубоко вкореняется въ насъ, что оно первое отвергаетъ тѣ заблужденія относительно высшихъ истинъ, до какихъ по большей части доходятъ философскія системы въ своихъ послѣднихъ выводахъ. И однако это чувство не всегда бываетъ *чисто*, отъ того что къ нему легко привмѣшиваются наши субъективныя требованія и побужденія.

Первоначальное раскрытіе идей во внутреннемъ чувствѣ.

Хотя идеи уже и въ первоначальномъ своемъ видѣ составляютъ знаніе, однакожь это знаніе, переведенное въ чувствованія, еще слишкомъ безотчетно, такъ что идеи разума, воспріятыя сердцемъ, суть сердечныя возбужденія и стремленія къ міру сверхчувственному, еще не получившія имени. Впрочемъ, уже и самовоззрѣніе, какъ скоро начнетъ всматриваться въ чувство истины, добра и красоты, въ каждомъ изъ нихъ можетъ различать нѣсколько особыхъ идей, подобно тому, какъ и внѣшнее чувство, еще безъ особеннаго участія разумѣнія, легко отличаетъ одни явленія отъ другихъ. Три существенные предмета непосредственно созерцаетъ нашъ разумъ; это — *душа и вселенная съ ихъ внутреннѣйшей стороны*, и *Верховный Виновникъ всякаго бытія — Богъ*. По тройственности этихъ предметовъ видоизмѣняется въ насъ и чувство истиннаго, добраго и прекраснаго. И во-первыхъ, по *чувству истиннаго* мы непосредственно вѣримъ духовности и безсмертію нашей души, безпредѣльной полнотѣ и единству вселенной и бытію Бога, какъ существа, безъ котораго не возможно ни бытіе души, ни бытіе Природы. Отсюда въ *идею истины*, какъ созерцаніи того, что *есть*, самовоззрѣніе открываетъ новую тройственность идей: *идею души, вселенной и Бога*.

Во вторыхъ, по *чувству добра* мы непосредственно убѣждены сердцемъ, что во вселенной все должно происходить для наилучшихъ цѣлей, что свободная воля должна быть подчиняема нравственнымъ

требованіямъ, нравственному порядку, и что Верховное Существо должно быть вмѣстѣ верховнымъ благомъ и послѣднею цѣлію для всѣхъ тварей. Отсюда въ *идеѣ добра*, какъ созерцаніи того, что должно быть, три новыя идеи: *идея физическаго совершенства, нравственнаго добра и верховнаго блага.*

Наконецъ, по чувству прекраснаго мы непосредственно ощущаемъ сердцемъ, что Богъ есть вѣчный первообразъ всякой возможной красоты и что красота Природы и духа состоитъ въ возможно-полнѣйшемъ выраженіи безконечной лѣпоты въ конечныхъ формахъ. Отсюда въ *идеѣ прекраснаго*, какъ созерцаніи того, что можетъ быть, *идея красоты Природы, духа и лѣпоты безконечной.*

б) *Состояніе идей подъ вліяніемъ фантазіи.*

Изъ области чувствованій идеи непосредственно переходятъ въ фантазію, которая преимущественно оплодотворяется возбужденіями сердца. Какъ для всѣхъ вообще возбужденій его, такъ и для чувствованій идеальныхъ, фантазія старается найти сколько возможно приличнѣйшій образъ, и слѣдовательно превратить ихъ въ представленія. Такъ идеѣ вселенной фантазія думаетъ найти выраженіе въ представленіи вселенной въ формѣ напр. шара, въ видѣ истечения изъ Бога, или раскрытія самого Бога: идею верховнаго блаженства покусается выразить въ видѣ земныхъ, хотя очищенныхъ наслажденій; наилучшимъ выраженіемъ идеи верховной лѣпоты почитаетъ образъ изящной человѣческой формы и т. д.

Идеи разума, воспринимаемыя сердцемъ и фантазіею, суть общее достояніе человѣчества и соста-

вляють содержаніе такъ-называемой Естественной Религіи. Идея истины составляетъ предметъ религіознаго созерцанія и *върованія*; идея добра — предметъ религіозной дѣятельности и *чаянія*; идея красоты — предметъ религіозной символики и *сердечнаго стремленія*.

Идеи въ видѣ чувствованій и представленій недостаточны и для Естественной Религіи при теперешнемъ состояніи человѣчества, а еще болѣе для Философіи. Сердце усваиваетъ намъ идеи, но по причинѣ своей безотчетности легко вводитъ въ ложный, неопредѣленный мистицизмъ; фантазія приближаетъ ихъ къ общему сознанію, но за то даетъ имъ форму несоотвѣтственную ихъ внутреннему содержанію, а потому также можетъ вводить въ заблужденія антропоморфизма, фанатизма и т. п.

в) *Вліяніе разсудка на идеи отрицательное.*

Когда разсудокъ начнетъ всматриваться въ идеальныя представленія фантазіи, то легко откроетъ несообразность между содержаніемъ ихъ и формою, потому что содержаніе ихъ принадлежитъ міру сверхчувственному, а форма взята съ предметовъ міра внѣшняго. Тогда фантазія, побуждаемая разумѣніемъ, сбрасываетъ съ своихъ идеальныхъ представленій формы опредѣленныя и старается представить идеи въ формѣ особенной, противоположной формамъ чувственныхъ представленій. Но формы этихъ послѣднихъ представленій суть *пространство и время*; пространству противопоставляется *неизмѣримость*, времени—*вѣчность*, а соединеніе неизмѣримости и вѣчности есть

безконечность. Въ этихъ-то, если можно такъ сказать, безформенныхъ формахъ, фантазія хочетъ созерцать идеи, чтобы по возможности приблизиться къ ихъ содержанію. Она созерцаетъ идею *вселенной* въ формѣ *неизмѣримости*, потому что вселенная, какъ полнота жизни, и должна быть неизмѣримою въ своемъ цѣломъ; идею *души* созерцаетъ въ формѣ *вѣчности*, потому что жизнь души самостоятельной и сознательной должна быть вѣчною; наконецъ, идею *Бога*, идею самосушаго, фантазія созерцаетъ въ формѣ *безконечности*, потому что инымъ и не можетъ быть самосущее.

Такимъ образомъ въ фантазіи подѣ руководствомъ разсудка уже предначинается уразумѣніе идей; но съ другой стороны, здѣсь же впервые открывается противоположность и противорѣчіе между чувственными представленіями и идеями разума, между бытіемъ реальнымъ и идеальнымъ: тамъ ограниченное и преходящее, здѣсь безпредѣльное и вѣчное; тамъ конечное, здѣсь безконечное.

Вліяніе разсудка на идеи положительное.

аа) *Анализъ ихъ.*

Дѣятельность разсудка относительно идей не ограничивается этимъ отрицательнымъ вліяніемъ на первоначальный образъ представленія ихъ въ фантазіи. Въ формѣ неизмѣримости, вѣчности и безконечности, онѣ остаются еще непонятными для насъ; разсудокъ хочетъ постигнуть смыслъ ихъ, а потому и ихъ подвергаетъ своимъ обыкновеннымъ приемамъ, анализу и

синтезу. Такъ какъ идеи въ формѣ чувствованій и представленій даются первоначально въ темномъ синтезѣ, то разумокъ начинаетъ ихъ развитіе и уясненіе *анализомъ*; къ тому жь, разумокъ, не могши вмѣстить въ себѣ ихъ необъятное существо, долженъ по необходимости раздроблять ихъ на части, и эти части преобразовывать по своимъ законамъ въ мысли, т. е. въ понятія, сужденія и умозаключенія.

Во-первыхъ, разумокъ преобразуетъ раздробленные идеи въ *понятія*. Такъ неопредѣленную идею вселенной разлагая на части, составляетъ изъ нихъ понятіе о гармоніи всѣхъ дѣйствій Природы, о ея порядкѣ, устройствѣ и проч.; изъ идеи души образуетъ понятіе о простотѣ ея, самостоятельности, безсмертіи и т. д.; изъ идеи Бога развиваетъ понятія о его независимости, всемогуществѣ, всевѣдѣніи и проч. Понятія составляемыя разумкомъ изъ идей, въ отличіе отъ обыкновенныхъ, называютъ *понятіями умственными, идеальными*, или просто *умопонятіями*, называютъ даже *идеями*; говорятъ напр., идея порядка вселенной, идея безсмертія души, всемогущества Божія и проч., но это уже идеи *третьестепенныя*.

Во-вторыхъ, изъ умопонятій разумокъ образуетъ *сужденія*. Такъ напр. умопонятіе о безсмертіи души онъ можетъ выразить въ слѣдующихъ формахъ сужденія: душа не можетъ разрушиться, ни уничтожиться съ смертію тѣла, душа будетъ жить вѣчно и проч. Наконецъ въ-третьихъ, идеальныя сужденія, выраженные въ формѣ всеобщихъ предложеній, разумокъ поставяетъ главными посылками при составленіи *умозаключеній*; такъ напр. слѣдующее предло-

женіе: «все въ мірѣ подвержено своимъ неизмѣннымъ законамъ,» можетъ служить главною посылкою при обсуживаніи частныхъ явленій Природы.

Разсудокъ, разлагая идеи въ отдѣльныя и отчетливыя мысли, сообщаетъ имъ вразумительность, но вмѣстѣ съ этимъ уничтожаетъ ихъ сущность, ихъ безпредѣльность.

66) *Синтезъ идей: противоположность идей и понятій разсудка.*

Послѣ разложенія идей разсудокъ долженъ привести ихъ въ порядокъ и слѣдовательно употребить второй пріемъ своей дѣятельности, — *синтезъ*. По при первомъ сличеніи умопонятій съ обыкновенными понятіями, между ими открывается противоположность, распаденіе. И во-первыхъ, относительно *идей истиннаго* разсудокъ замѣчаетъ во внѣшнемъ мірѣ только ограниченные порядки явленій, а идея вселенной указываетъ на безпредѣльную ея цѣлость; разсудокъ примѣчаетъ во внутреннемъ нашемъ мірѣ бытіе временное, а идея души напоминаетъ намъ о ея безсмертіи; разсудокъ познаетъ только причины зависимыя и условныя, а идея Бога извѣщаетъ насъ о бытіи безусловномъ. Во-вторыхъ, *идея прекраснаго* выражаетъ стройное, гармоническое раскрытіе вселенной съ ея вещественной и духовной сторонъ, но въ понятіяхъ разсудочныхъ представляется ея разнообразіе, безъ единства, и потому недостатки частныхъ безъ совершенства цѣлаго; по взгляду разсудка, красота должна выражаться въ конечной, опредѣленной формѣ, между тѣмъ какъ по требованію разума, безконечная красота

пушъ, языкомъ *Бѣлорусскимъ*, тогда какъ эпопъ языкъ былъ просто *Русскій языкъ*.

Языкъ Липовскаго Спашуша есть поэтъ самый, на которомъ Смоперицкій написалъ къ своей Грамматицѣ предисловіе. Смоперицкій же называлъ эпопъ языкъ не иначе какъ просто *Русскимъ*, ибо тогда во все не слышно было о Бѣлорусскомъ.

Такимъ образомъ, держась его авторитета, и я именую языкъ Лип. Спашуша не *Бѣлорусскимъ*, а просто *Русскимъ* (1). Г. Гречь называетъ языкъ книги подъ заглавіемъ: «Вѣнецъ Христовъ» языкомъ собственно Русскимъ; но эпо поэтъ же языкъ, что и въ Липовскомъ Спашушѣ: почему же назывался ему Бѣлорусскимъ? и почему отличалъ разнымъ названіемъ языки, тогда какъ они въ самой сущности ни въ чемъ между собою не разнятся (2)?

(1) Такъ и должно. Языкъ Спашуша былъ дипломатическимъ языкомъ Западной Руси и весьма отличенъ отъ настоящаго Бѣлорусскаго. *Ред.*

(2) Однакожъ старинный дипломатическій языкъ Западной Руси отличенъ отъ Южваго, на коемъ писаны были акты Запорожскаго Войска, и пр., и языкъ Бѣлорусское нарѣчіе не есть одно и то же съ Малороссійскимъ. Это можешь замѣтить вслѣдъ, перѣзжая изъ Губерніи Могилевской въ Черниговскую или изъ Минской въ Волынскую. Если Авторъ сей спашушъ не допускаетъ названій *Бѣлорусское*, *Малороссійское*, какъ повдѣйшихъ, то можно дать снѣ нарѣчія божественныя названія: *Западное Русское*, *Южное Русское*, а *Великороссійское* назвать *Восточнымъ Русскимъ* или *Северовосточнымъ Русскимъ*, но все же должно какимъ нибудь именемъ означить такіа нарѣчія, между которыми существуетъ различіе дѣйствительная и коимъ между нѣмъ всѣ имѣютъ неоспоримое право именовать *Русскими*.

Законъ примиряетъ свободу и необходимость, счастіе и добродѣтель, какъ средство и цѣль; Искусство сближаетъ конечное съ безконечнымъ, какъ форму и содержаніе; Наука сочетаваетъ условное съ безусловнымъ, какъ дѣйствіе съ причиною.

г) *Осуществленіе идей во внѣшней жизни.*

Идеи добра, красоты и истины, развиваясь въ Законъ, Искусство и Науку, переходятъ изъ нашего внутренняго міра во внѣшній, снова дробятся въ немъ и въ самомъ своемъ дробленіи осуществляются въ жизни человѣка и человѣчества. Законъ, какъ выраженіе идеи добра, развивается законодательствомъ различныхъ мѣстъ и временъ, а политическія общества стараются осуществить собственною жизнію это законодательство, и слѣд. самую идею добра; всѣ благоустроенныя общества суть живое раскрытіе идеи добра, суть самая идея въ дѣйствіяхъ. Искусство, какъ выраженіе идеи красоты, раскрываетъ неисчерпаемое богатство ея въ созданіяхъ изящныхъ; міръ Искусствъ есть идея прекраснаго въ ея опытномъ проявленіи. Наконецъ, Наука, какъ выраженіе идеи истины, раскрывается въ многообразныхъ системахъ высшаго человѣческаго знанія, въ системахъ Науки—въ Философii; всѣ философическія системы различныхъ мѣстъ и временъ суть проявленія одной и той же идеи истины; онѣ недостаточны и ошибочны сами по себѣ только потому, что суть раскрытія идеи частныя, и слѣдовательно одностороннія.

Такимъ образомъ, идеи, хотя и вознесены надъ кругомъ познанія опытнаго, остаются однакожъ

чуждыми и бесплодными и для міра дѣйствительнаго; напротивъ, все великое въ земной жизни человѣчества проистекаетъ изъ идей.

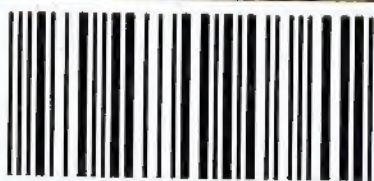
Отношеніе идей къ Религіи.

Наука, Законъ и Искусство еще не составляютъ послѣдняго развитія нашихъ душевныхъ силъ, потому что еще не вполне удовлетворяютъ идеальнымъ стремленіямъ нашего сердца. Наука примиряетъ условное съ безусловнымъ, но это безусловное остается необъятнымъ для нашего знанія; Законъ приближаетъ насъ къ цѣли нашего земнаго бытія, къ добру, но еще не даетъ намъ блага верховнаго; Искусство соединяетъ конечное съ безконечнымъ, но соединяетъ безконечное съ вещественною формою, а не съ нашимъ сердцемъ. Этотъ недостатокъ восполняется только въ Религіи Откровенной; только она восполняетъ недостаточность идеальнаго знанія Божественною *Вѣрою*; ведетъ насъ къ блаженству путемъ несомнѣнной *надежды* и связуетъ наше существо съ безконечнымъ, посредствомъ живаго союза святой *любви*. Такимъ образомъ Законъ, Искусство и Наука, какъ развитіе идей, выступаютъ изъ Естественной Религіи, изъ первоначальныхъ чувствованій и представленій и снова должны прійти къ Религіи, но уже озаренной и восполненной Божественнымъ Откровеніемъ. Если переливаясь во внѣшнюю жизнь, онѣ дробятся въ ней подъ безчисленными формами, возвышаютъ ее и животворятъ собою, то, обращаясь во внутреннюю жизнь, онѣ сами возвышаются и животворятся Рели-

гіею и сливаются въ ней въ идеальное единство : Религія есть высочайшій синтезъ Закона, Искусства и Науки.

Ординарный Профессоръ Университета Св. Владиміра

ОР. НОВИЦКІЙ.

2007055470